

*Сергей
ПЕШКОВ*

Моя семья

*Горький
и Берия*

Внук Берии
и правнук Горького
о своей семье
из первых уст

Сергей Пешков

Моя семья: Горький и Берия

«ВЕБКНИГА»

2022

Пешков С. С.

Моя семья: Горький и Берия / С. С. Пешков — «ВЕБКНИГА»,
2022

ISBN 978-5-235-04779-2

Автор этой книги – правнук Алексея Максимовича Горького и внук Лаврентия Павловича Берии. И его прадед, и его дед ушли в мир иной задолго до его рождения, но он вырос в этой большой семье, которая и по сей день вызывает большой интерес у журналистов, писателей, кинематографистов. Его детство прошло в Москве в особняке Шехтеля у Никитских ворот, где когда-то жил Горький и где теперь находится его музей, где происходили многие важнейшие события, которые по-прежнему волнуют тех, кому интересно наше прошлое. Не только жизнь, но и смерть его прадедушки – сюжет авантюрных романов и приключенческих кинолент. В 30-е годы «виновных» в смерти Горького сажали на скамью подсудимых и приговаривали к смертной казни. Почему он решил написать эту книгу? Потому что теперь, когда его родителей нет в живых, он посчитал своим долгом рассказать все, что ему известно о своей семье, которая волей судеб оказалась в эпицентре многих драм и трагедий XX века.

ISBN 978-5-235-04779-2

© Пешков С. С., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

Содержание

От автора	6
Часть 1	7
Максим. Рождение. Раннее детство. Революция 1905 года	7
Первая эмиграция	11
Новая русская школа	14
Горький на Капри	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Пешков

Моя семья: Горький и Берия

Вячеславу Кантору с сердечной благодарностью за дружескую поддержку и в память о нашем безоблачном московском детстве

© Пешков С. С., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», 2022

От автора

Я правнук Алексея Максимовича Горького и внук Лаврентия Павловича Берии¹. И прадед, и дед ушли в мир иной задолго до моего рождения, но я вырос в этой большой семье, которая и по сей день вызывает большой интерес у журналистов, писателей, кинематографистов.

Мое детство прошло в Москве в особняке Шехтеля у Никитских ворот, где когда-то жил Горький и где теперь находится его музей, где происходили многие важнейшие события, которые по-прежнему волнуют тех, кому интересно наше прошлое. Не только жизнь, но и смерть моего прадедушки – сюжет авантюрных романов и приключенческих кинолент. В 30-е годы «виновных» в смерти Горького сажали на скамью подсудимых и приговаривали к смертной казни.

В этом же доме жила и моя бабушка Надежда Алексеевна, Тимоша – жена Максима, сына Алексея Максимовича, которая нравилась Сталину и в которую, как говорят, был влюблен нарком внутренних дел СССР Генрих Ягода. Многие уверены, что именно чувства наркома привели к смерти моего дедушки Максима.

Моя мама родилась в итальянском городе Сорренто, в московской школе дружила и сидела за одной партой с дочерью Сталина Светланой.

Потом я переехал в Киев, где жил мой отец, сын Лаврентия Берии, которого сегодня одни обвиняют во всех смертных грехах, другие уважительно именуют эффективным менеджером и создателем советского ядерного оружия. Папу в 1953 году арестовали, выслали из Москвы в Свердловск и заставили сменить фамилию. Через десять лет разрешили переехать в Киев.

Моя специальность – радиоэлектроника, я работал в одном из научно-исследовательских институтов. В этом смысле я пошел в отца, который в свое время создал первую систему противоракетной обороны Москвы. И раньше я никогда не занимался ни политикой, ни литературой.

Почему же я решил написать эту книгу?

Теперь, когда моих родителей нет в живых, я считаю своим долгом рассказать все, что мне известно о нашей большой семье, которая волей судеб оказалась в эпицентре многих драм и трагедий XX века.

Надеюсь, что читателю, мало знакомому с биографиями писателя Горького и наркома внутренних дел Берии, их сыновей Максима и Серго, будут интересны эти записки и подвигнут его к более глубокому ознакомлению с трагическими периодами истории России и СССР, в которых жили и действовали эти люди.

---

¹ Грузинские фамилии в авторском тексте склоняются. В цитатах и документах оставлены согласно оригиналу. – *Прим. ред.*

Часть 1 Горький и сын

Максим. Рождение. Раннее детство. Революция 1905 года

В октябре 1896 года Алексей Максимович Горький (далее я буду в тексте указывать лишь инициалы своего прадеда. – А.М.) заболел бронхитом. Через месяц начался воспалительный процесс в легких, температура не спадала, и в январе следующего года у него диагностировали туберкулез. Пришлось выехать на лечение в Крым. В Ялте А.М. и моя прабабушка Екатерина Павловна познакомились с помещицей А.А. Орловской и по ее приглашению в мае 1897 года отправились в Украину для продолжения лечения.

В 1897 году, 27 июля, в селе Мануйловка Кобелякского уезда Полтавской губернии родился их первенец – сын Максим, названный так в честь отца А.М. – Максима Савватьевича Пешкова.

В начале 1898 года вся семья вернулась в Нижний Новгород. А.М. нежно любил своего первенца, но чрезмерная загруженность работой не позволяла уделить сыну, да и жене так необходимое им внимание. Где бы ни находился А.М. – всюду за ним устанавливалась слежка, производились обыски, следовали аресты и ссылка. В середине апреля А.М. был арестован и отправлен в Тифлис, Екатерине Павловне с Максимом пришлось выехать в Самару. После освобождения А.М. приехал к ним, а осенью все вместе опять вернулись в Нижний. Постоянные переезды, неустроенность, тревога за мужа, нервная тяжелая обстановка – все это сказывалось на здоровье и матери, и сына. Мальчик рос нервным и впечатлительным.

О раннем детстве Максима сохранилось мало воспоминаний, одно из немногих принадлежит Н.С. Филитису, автору книг для детей, позже ставшему профессором Института физической культуры. В 1899 году Николай Степанович с женой гостили у А.М. в Васильсурске, где Филитис впервые увидел маленького Максима. Первое впечатление: «Плотный, голубоглазый, краснощекий крошечный Максик чем-то серьезно играл, освещенный ярким солнцем». Филитис спросил его: «Ты Максик Горький? – Нет, – отрезал он с серьезным видом, – сладкий»².

А через несколько месяцев после первого знакомства уже А.М. с семьей гостили у Филитисов на их московской квартире. Близко наблюдая мальчика, Николай Степанович отметил уже начавшее проявляться одно из основных свойств его характера: неумеренная подвижность, неумная энергия, требующая немедленного выхода. Казалось даже, что ребенок не может спокойно сосредоточиться на чем-нибудь, и Филитис был приятно удивлен, убедившись, что такая нервная подвижность отнюдь не мешает его «мозговой» работе.

Однажды он услышал, как в соседней комнате Максик декламировал стихи:

Вот идет Петрушка —
Темный трубочист,
Он лицом хоть черен,
Но душою чист.

Нечего бояться
Его темноты,
Нужно опасаться

---

² Здесь и далее орфография и пунктуация в цитатах сохраняются по оригиналу. – Прим. ред.

Ложной красоты.

Красота нас часто
Не к добру ведет,
А его метелка
От огня спасет.

Максику шел тогда всего третий год, и для ребенка такого возраста запоминание столь длинного, да и непонятного ему по смыслу стихотворения – требовало немалого умственного напряжения. Максик не был разговорчив, обычно был комично серьезен, говорил, может быть подражая отцу, баском. Николай Степанович запомнил такой разговор – переключку с отцом, они находились в разных комнатах:

«– Алексей! – кричит Максик, – иди сюда! – (Максим с детства привык называть отца по имени.)

– Зачем? – отозвался отец.

– Надо! Здесь червяк.

– Так тащи его сюда!

– Не могу: он кусачий, – басит Максимка.

И ничего не остается, “Алексей” идет к сыну».

Николай Степанович замечал, что А.М. так глубоко и сильно любит своего сына, что никогда не может ему отказать и делает все, что тот просит и даже требует. Он уступал просьбам сына налить и ему вина, когда тот видел, что пьют взрослые. Попытки убедить его, что такое отношение к просьбам сына вредит ему, успеха не имели. А.М. ссылался на книгу какого-то немца и на то, что дает лишь легкое виноградное вино и в небольших количествах.

Возможно, это баловство и оставило какие-то следы в его нервной системе. Но в то время, когда Максим, по словам Филитиса, «бурно вырастал в мальчика и подростка», он был «крепким, деятельным, жизнерадостным». Еще одна его особенность – стойко переносить боль. Никто никогда не видел его плачущим ни после чувствительных ударов в драках с мальчишками, ни после сильных ушибов, а это при его сверхподвижности происходило довольно часто. Однажды его сильно покусала собака – он стойко перенес и это.

А когда в Неаполе Максиму делали болезненную операцию на среднем ухе, присутствующему при этом А.М. сделалось дурно (он не переносил чужую боль), а Максим только скрежетал стиснутыми зубами.

Как рассказывали люди, близко знавшие А.М., детей он любил какой-то неземной трогательной любовью, но все время, все силы свои считал обязанным отдавать делам общественным. На сына, на семью его подчас просто не оставалось.

Конец XIX – начало XX века – время становления литературного таланта Горького. В 1898 году вышла его книга «Очерки и рассказы», в 1899-м опубликована повесть «Фома Гордеев», и на него всерьез обратила внимание литературная критика. А.М. стал появляться на литературных вечерах Петербурга, его популярность стремительно росла, и за два-три года писатель приобретает славу не только в России, но и далеко за ее пределами.

А.М. с юмором вспоминал об этих временах: «В 1901 году я впервые приехал в Петербург, город прямых линий и неопределенных людей. Я был в “моде”, меня одолевала “слава”, основательно мешая мне жить. Популярность моя проникала глубоко: помню, шел я ночью по Аничкову мосту, меня обогнали двое людей, видимо, парикмахеры, и один из них, заглянув в лицо мое, испуганно, вполголоса сказал товарищу:

– Гляди – Горький!

Тот остановился, внимательно осмотрел меня с ног до головы и, пропустив мимо себя, сказал с восторгом:

– Эх, дьявол, – в резиновых калошах ходит!..

Разумеется, мне было крайне приятно видеть благосклонные улыбки женщин, почти обожжающие взгляды девиц и, вероятно – как все молодые люди, только что ошарашенные славой – я напоминал индейского петуха».

Одна за другой появлялись его знаменитые пьесы «Мещане», «На дне», «Дачники», «Дети солнца», «Варвары». Но не только литература занимала А.М. – он не мыслил себя вне общественной работы – активно участвовал в социал-демократическом движении, в создании и выпуске большевистских газет «Новая жизнь» и «Борьба», часто выступал на митингах и собраниях.

В начале января 1905 года в Петербурге начались забастовки, один за другим останавливались заводы. Руководитель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» священник Георгий Гапон убедил рабочих идти к царю с петицией, в надежде, что Николай II удовлетворит их требования, облегчит условия жизни.

Из письма А.М. Екатерине Павловне 8 января 1905 года:

Здесь – разыгрывается общая забастовка, бастуют все заводы, порт, типографии – кроме “Вед[омостей]полицей”, сегодня не вышло ни одной газеты. Завтра в 2 ч[аса] рабочие идут к Зимнему дворцу говорить с царем, что из этого будет, – если не будет бойни, – трудно сказать.

Завтра или послезавтра я уеду, ворочусь сюда числа 17-го. Сейчас еду в депутации литераторов и ученых к Витте уговаривать его дабы отклонить возможную бойню завтра.

Очень хочу видеть тебя, Максима, но в то же время ты понимаешь – видишь, что творится?

И некогда мне, как гончей собаке на охоте. Жму руки.

Встреча депутации с председателем Комитета министров Сергеем Юльевичем Витте закончилась без какого-либо результата, и на следующий день мирную народную демонстрацию встретили войска...

Из письма А.М. жене 9 января 1905 года: «Избиение предумышленное и затеяно в грандиозных размерах. Надо тебе сказать, что 8-го вечером мы – Арсеньев, Семевский, Анненский, я, Кедрин – гласный думы, Пешехонов, Мякотин и представитель от рабочих пытались добиться аудиенции у [министра внутренних дел князя] Святополка[-Мирского] с целью требовать от него, чтобы он распорядился не выводить на улицы войска и свободно допустил рабочих на дворцовую площадь. Нам сказали, что его нет дома, направили к его товарищу Рыдзевскому. Это деревянный идол и неуч – какой-то невменяемый человек. От него мы ездили к Витте, часа полтора бестолку, конечно – говорили с ним... Но мы считаем, что выполнили возложенную на нас задачу, – довели до сведения министров о мирном характере манифестации, о необходимости допустить их до царя и – убрать войска. Об этом за подписями мы объявим к сведению всей Европы и России.

И так – началась революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьезно поздравляю. Убитые – да не смущают – история перекрашивается в новые цвета только кровью. Завтра ждем событий более ярких и героизма борцов, хотя, конечно, с голыми руками – немного сделаешь».

Горький, участвовавший в демонстрации, вечером 9 января от имени депутации написал воззвание, где подробно изложил действия, предпринятые во избежание кровопролития, и обвинил власти в предумышленном убийстве мирных людей: «А так как Николай Второй был осведомлен о характере рабочего движения и о миролюбивых намерениях его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избиения их, – мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них. Вместе с тем мы

заявляем, что далее подобный порядок не должен быть терпим, и приглашаем всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

После этого, 11 января, А.М. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Но арест его вызвал массовые протесты, и уже 14 февраля, под давлением общественности, А.М. выпустили на свободу. Царское правительство не решилось организовать суд над А.М., и 4 ноября 1905 года дело в отношении его было прекращено.

Революционное движение в стране набирало силу, и 17 октября 1905 года Николай II был вынужден подписать манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором народу были обещаны «незыблемые основы гражданской свободы», а Государственной думе – законодательные права. Большевики объявили это уловкой, попыткой получить передышку, и призывали рабочих к подготовке вооруженного восстания.

Благодаря ослаблению цензуры 27 октября начала выходить первая легальная газета большевиков «Новая жизнь», при том что часть начального капитала для ее организации внес А.М. В редакции газеты 27 ноября 1905 года состоялась первая встреча А.М. с вернувшимся из эмиграции Лениным. Газета, однако, просуществовала недолго – всего вышло 28 номеров – и уже 2 декабря она была закрыта.

Седьмого декабря А.М. выехал в Москву, парализованную всеобщей забастовкой. Его квартира на время стала центром организации уличных боев и напоминала оружейный склад. На улицу его не выпускали грузины-телохранители – члены рабочей боевой дружины: «Вы лучше послужите революции своими произведениями». И все же он, вооружившись двумя «Браунингами», ускользнул на улицу. Из письма А.М. издателю Константину Пятницкому: «Рабочие ведут себя изумительно! Судите сами: на Садово-Каретной за ночь возведено 8 баррикад, великолепные проволочные заграждения – артиллерия действовала шрапнелью. Баррикады за ночь были устроены на Бронных, на Неглинном, Садовой, Смоленском, в районе Грузин – 20 баррикад!»

Правительство подтянуло в Москву дополнительные войска, и после одиннадцати дней ожесточенных уличных боев восстание было подавлено. Наступила реакция – массовые аресты, обыски. А.М. выехал в Финляндию, где в Гельсингфорсе встретился с Лениным и Леонидом Красиным. По предложению последнего было решено отправить Горького в Америку для сбора средств на нужды революции, а также для агитации против предоставления займов царскому правительству.

Из письма А.М. Екатерине Павловне: «Начальство обнаруживает явное желание изловить меня – к чему дал повод некий московский фабрикант, и, что ты, вероятно, уже знаешь из газет. Желания сидеть в тюрьме у меня нет, а потому я отправляюсь за рубеж. Сейчас сижу в одном укромном месте, а на днях уже двинусь по морю в Швецию. Еду – надолго, ранее конституции не вернусь. Ибо еду с определенной целью, коя воспретит мне въезд в Россию вплоть до лучших времен».

Перед отъездом за границу А.М. очень хотел повидаться с детьми, в письме сыну даже обещал приехать к нему в Крым, в Ялту, где он находился с матерью. Но, понимая, что последует его немедленный арест, пишет Максиму: «Очень хочется увидеть тебя и Катеринку, но приехать не могу, потому что должен ехать в другую сторону и далеко. Увидимся, когда в России будет конституция, а может быть, и раньше, если ты с мамой приедешь за границу. Что такое конституция – спроси у мамы... Милый ты мой сын! Я очень хочу видеть тебя, да вот – нельзя, все! Ты еще не знаешь, что такое “долг перед родиной” – это, брат, не шутка. Спроси маму – что я делаю, и ты поймешь, почему я не могу теперь видеть тебя, славный мой!»

Из Финляндии Горький 12 февраля 1906 года выехал в Швецию, а оттуда направился в Америку.

Первая эмиграция

Осенью 1906 года, после поездки в США со своей гражданской женой (развод с моей бабушкой А.М. так и не оформил) актрисой Марией Федоровной Андреевой, А.М. решил обосноваться в Италии: вернуться на родину писатель не мог – московская прокуратура возбудила против него дело по обвинению в участии в восстании. От планов временно осесть в Финляндии или Франции также пришлось отказаться.

Утром 13 (26) октября пароход «Принцесса Ирена» прибыл в Неаполь. Поселиться решили А.М. и Андреева в роскошном «Гранд-отель дю Везуве», расположенном почти в центре знаменитой неаполитанской набережной. Заполняя карточку приезжего, А.М. указал свою настоящую фамилию – Пешков, ему не хотелось привлекать излишнего внимания любопытствующих, но в отношении профессиональных журналистов маленькая хитрость не удалась, и уже за завтраком пронырливые газетчики брали интервью у «одного из самых знаменитых писателей современности».

Неделя жизни в Неаполе пролетела почти мгновенно: 15 октября пролетарские организации города организовали многотысячный митинг не только как дань уважения лично Горькому, но и как выражение солидарности с революционной Россией. Ежедневные встречи с писателями, видными общественными деятелями, депутатами парламента и просто с людьми, пожелавшими выразить свое уважение «символу русской революции»... И, конечно же, каждый день экскурсии по одному из самых красивых городов мира. Осмотр знаменитых неаполитанских музеев – Неаполитанского национального музея, музея Сан-Мартино, – а вечерами театры – «Политеама», «Нуово», «Фондо» и «Меркаданте». И везде самый теплый дружественный прием.

«Здесь удивительно красиво все – природа, люди, звуки, цветы... Принят я здесь – горячо», – пишет он Екатерине Павловне. Но пора было приниматься за работу – А.М. не позволял себе длительных перерывов. Да и местные власти, напуганные многотысячным митингом и беспорядками, вызванными пребыванием писателя в Неаполе, настоятельно требовали сократить время пребывания в городе. 20 октября 1906 года Горький уехал на Капри – остров как нельзя более подходит для писательской работы, требующей уединения и спокойной обстановки.

В письмах из Италии А.М. настойчиво просит Екатерину Павловну уехать за границу. Ранняя смерть дочери Катюши окончательно подорвала ее здоровье, необходимо было серьезно лечиться у хороших врачей, пожить с сыном в спокойной обстановке. Она и сама прекрасно понимала необходимость скорейшего отъезда из Российской империи, тем более что в любой момент мог последовать ее арест за активную революционную деятельность. После долгих колебаний и уговоров друзей решение было принято. Во второй половине декабря 1906 года Екатерина Павловна с сыном Максимом и другом семьи Софьей Витютневой выехали в Италию в Сорренто.

А.М. звал на Капри, писал: «Я живу под строжайшим надзором газет, и не хотелось бы мне повторения в Европе американских грязных бурь – человеческая глупость и пошлость очень угнетает и злит. А здесь население относится ко мне хорошо, газет – нет...»

Поводом для травли послужило то, что Горький приехал в Америку вместе со своей гражданской женой М.Ф. Андреевой, при том что развод с Екатериной Павловной юридически не был оформлен. А.М. понимал, что его супруге будет тяжело встречаться с Марией Федоровной: «...Тебе придется встретиться с человеком, который тебя злит, я это знаю, знаю, что это, вероятно, будет тяжело тебе и ей. И мне». Поэтому решили встретиться в Амальфи. Но, уже собравшись, А.М. почувствовал себя плохо, началось кровохарканье. Через несколько дней, немного оправившись, решил-таки поехать в Сорренто, и – опять ухудшение здоровья. В

конце концов Екатерина Павловна решилась на поездку на Капри, и 13 января вечерним парходом вместе с сыном прибыла на остров. «Встреча принесла много волнений и радости...» – вспоминала она.

А.М. с интересом расспрашивал о России, о настроениях молодежи, о знакомых, рассказывал эпизоды из своей жизни в Америке. Оттуда он привез сыну массу подарков. Максим получил прекрасную коллекцию бабочек, необычно разнообразных и красивых. Впоследствии коллекция была передана в русскую школу И.И. Фидлера в Женеве. Свидание отца с сыном для обоих стало радостным праздником.

А.М. был горячо привязан к сыну, после смерти Катюши – единственному своему ребенку, и не только взял на себя все материальные заботы, но и внимательно следил за его здоровьем и учебой. С женой у него сохранились хорошие отношения, и, можно сказать, сына они воспитывали вместе.

Из письма А.М. Екатерине Павловне в Ниццу 28 апреля 1907 года: «Дорогой мой, милый друг! После твоего письма – много хочется сказать тебе, но – писать этого не буду. Одно скажу: с глубоким чувством благодарности, с искренним уважением целую твою руку. И, вероятно, первый раз за всю жизнь, я испытываю такое радостное, родственное и чистое чувство. Улыбаюсь всей душой: мне кажется – я первый, кто удостоился такого отношения от женщины, как твое ко мне. Поверь, что если я лгу – то себе самому, и если ошибаюсь вообще – все равно в частности я имел нечто редкое, драгоценное, м[ожет] б[ыть] единственное.

Все это – бестолково? Лучше не умею сказать, ибо это ново для меня. Пойми одно: имею к тебе великое и незыблемое чувство уважения, знаю, что ты для меня – такой близкий, близкий, родной человек. Из тех людей, которым не надо говорить слова, они понимают и молчание. Спасибо, милая Катя, спасибо, родная! Вот и все».

С Капри Екатерина Павловна с Максимом 21 января направились в местечко Алассио, где жила Вера Фигнер – ее знакомая, легендарная революционерка, сподвижница Софьи Перовской и Андрея Желябова.

До весны они жили сначала в Алассио, затем в Ницце, а лето 1907 года решили провести в горах над Женевским озером, близ Клорана и Божи. Место вряд ли было выбрано случайно. В деревеньке Божи, в кантоне Во, на северо-восточном берегу Женевского озера, находилась молочная ферма. Содержали ее один из основателей партии эсеров Егор Лазарев и его жена Юлия. Они организовали на ферме лечение кефиром – модным в то время целебным напитком. Ферма стала местом «санаторно-курортного» лечения революционеров всех мастей.

Здесь бывали и Ленин, и Георгий Плеханов, и Екатерина Кускова, и Сергей Прокопович, и многие-многие другие революционеры и общественные деятели. Пешковы поселились в трехэтажном каменном здании пансионата, принадлежащего семье Колин с чудесным видом на Женевское озеро. Но летний отдых чуть не закончился трагедией. Об этом рассказывает Д.Б. Гиссен в «Воспоминаниях о юности Максима и встречи с А.М. Горьким». Тем летом семья Гиссен по предложению Екатерины Павловны отдыхала в том же пансионате, прозванном по-русски «Калинка». Давиду Борисовичу было в то время лет шесть, воспоминания, помня просьбу Екатерины Павловны, он записал через семьдесят лет – в феврале 1977 года.

Вот как он описал трагедию на Женевском озере.

Однажды после обеда Екатерина Павловна предложила Максиму и мне покататься с ней на лодке по Женевскому озеру. Погода стояла отличная, небо голубое, безоблачное... В лодке Екатерина Павловна сидела на веслах, Максим на руле, а я на носу – вперед смотрящим... Неожиданно подул ветер. Из-за гор появились темные грозные тучи. Мгновенно они захватили все небесное пространство, ветер крепчал. Надо было немедленно возвращаться, но это оказалось невозможным. Буря разразилась грозой, ливнем. Штормовой порывистый ветер гнал лодку вперед. Все усилия Екатерины Павловны

повернуть лодку были напрасны. Мы сидели мокрые от ливня, но на это мы не обращали никакого внимания. Все думы были сосредоточены на другом. Недалеко осталось до впадения Роны в Женевское озеро, а там нас подстерегала неминуемая гибель. Даже в тихую погоду без грозы воды Роны, встречаясь с водами Женевского озера, образуют сильный водоворот... Екатерина Павловна бросила весла. Они были теперь ни к чему.

Мы начали кричать, звать на помощь, сами понимая, что никто через шум грозы нас не услышит. В лодке было уже много воды. Кругом было совершенно темно. Водоворот бурлил и клокотал, его шум был все громче и громче, значит мы приближались к месту впадения Роны. Екатерина Павловна прижала к себе Максима и закрыла лицо руками, готовясь к неотвратимому.

Помощь пришла совершенно неожиданно. Какие-то крепкие мускулистые руки схватились за борт нашей лодки, нас крепко держали и притянули к другой лодке, в которой было несколько мужчин. Нашу лодку цепью привязали, и наши спасители повели ее за собой, подальше от водоворота. Поистине это было чудом! Уже близкая трагическая развязка так и не состоялась. Оказывается, что наши крики все-таки были услышаны. Было так темно, что разглядеть лица своих спасителей мы не могли. Можно было только бесконечно от всего сердца их благодарить.

Екатерина Павловна была счастлива, счастлива большим материнским счастьем. Нас, промокших до нитки, ждала вся «Калинка»... В тот вечер, казалось, не будет конца рассказам о переживаниях, конца дружеским объятиям.

Новая русская школа

Пятнадцатого июля 1907 года А.М. писал Екатерине Павловне в Париж: «Вот что: говорят, московский директор гимназии – той, которую расстреляли в декабре, – я забыл его фамилию, – открывает в Женеве или Лозанне учебное заведение, к[ото]рое он – будто бы – хочет поставить образцово. Что ты думаешь о том, чтобы посещать это заведение? Учиться ему надо систематически, пора уже, мне кажется».

Директор гимназии, о которой пишет Горький, – Иван Иванович Фидлер – либеральный общественный деятель, левый кадет. Во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в его училище работал революционный штаб, с согласия Фидлера выступали с лекциями большевики. 5 декабря в помещении училища прошла общегородская конференция, на которой большевики постановили объявить 7 декабря всеобщую стачку с тем, что затем она перерастет в вооруженное восстание. 9 декабря училище, в котором находились отряды дружинников, подверглось артиллерийскому обстрелу со стороны правительственных войск. Здание было полностью разрушено, свыше ста дружинников арестовано.

Иван Иванович был вынужден эмигрировать в Швейцарию, там, в окрестностях Женевы, он открыл Новую русскую школу. Чуть позже школа переехала во Францию, в предместье Парижа – Плесси-Пике и, наконец, в Фонтенэ-о-Роз. В школе практиковалось совместное обучение, между учителями и учениками установились товарищеские отношения. Школа рассматривалась как единая семья – никаких начальников и подчиненных, а лишь старшие и младшие члены семьи. В то время это было делом новым, можно сказать революционным. Поэтому, хотя в основном школа была рассчитана на детей эмигрантов, многие родители, не довольные «казенщиной» учебного дела в России, посылали своих детей к Фидлеру. Неудивительно, что и А.М. настоятельно рекомендовал определить Максима именно в эту школу.

Из письма А.М. Екатерине Павловне: «Я против русской школы, совершенно сбитой с толку, пагубной теперь для всех детей вообще, для Мак[сима] – мальчика нервного, в особенности... То, что творится в наших гимназиях, обеспечивает стране тысячи больных анархистов, хулиганов, всячески искалеченных людей. Я думаю, что Фидлер с его практическим опытом и – как я слышал – горячей любовью к детям может организовать приличную школу. Мак[симу] нужно общество детей, вероятно он найдет его в этой школе, это общество – самое главное. Затем я слышал, что Фидлер хочет ставить дело на почву опытного воспитания, т. е. прогулки, изучение природы, естественные науки и т. д.».

Екатерина Павловна, правда, считала, что мальчика все же лучше отдать в парижскую школу, где он мог бы в совершенстве освоить французский язык. Ей не нравились некоторые методики преподавания у Фидлера, к примеру, заучивание наизусть больших отрывков прозы, но в конце концов вопрос был решен в пользу Новой русской школы.

Учительский состав целиком состоял из эмигрантов, представителей различных партий и направлений: большевики и меньшевики, анархисты, эсеры от крайне правых до террористов. Такой «пестрый» состав вынудил Фидлера просить учителей не вносить партийных разногласий в учебную среду. Учителя заключили между собой договор об исключении «партийности» из стен школы и соблюдали его довольно строго, так что школа представляла собой некий «либеральный остров», куда не доходили партийные распри эмигрантской среды.

Среди учителей было много людей с интересными биографиями. Учитель математики и физики Александр Коваленко – инженер-механик на знаменитом броненосце «Потемкин». Во время восстания он был единственным из офицеров, кто перешел на сторону матросов, затем бежал в Румынию, оттуда в Швейцарию. Учителя истории вывезли с места ссылки в Сибири в книжном шкафу, учитель химии – организатор подпольной лаборатории взрывчатых веществ. Школьный врач и воспитатель Николай Семашко – один из видных нижегородских большеви-

ков, в 1907 году он эмигрировал в Швейцарию, затем уехал в Париж и работал в Новой русской школе, в ней же учились его дети.

Количество учеников было невелико – в лучшие годы человек 40–45, иногда в старших классах училось всего по 2–3 ученика. Материальное положение школы было достаточно тяжелым, существовала она в основном на деньги, поступающие от богатых родителей из России. Многие учителя не обладали профессиональным опытом и смотрели на свою педагогическую деятельность как на временную, но к делу своему относились ответственно, а вне школы, как вспоминал Семашко, посильно помогали своим партиям в России.

Большое внимание в Новой русской школе уделяли изучению естественной истории, литературы, географии, там организовывали литературные кружки, устраивали совместные чтения, ученики писали рефераты, не забывали и о спортивных играх. Двухэтажное здание школы располагалось в обширном старинном парке. Тенистые аллеи сменялись солнечными лужайками – места для детских игр и прогулок было более чем достаточно. Ученики работали в собственном фруктовом саду и огороде, вообще приучались многое делать своими руками.

Максим писал отцу: «У нас в школе только и думают, как бы устроить лаун-теннис, все мы очищаем от дерна площадку. Мы уже кончили снимать его и теперь будем посыпать его известкой, утрамбуем и посыпем песком и опять утрамбуем... Сегодня воскресенье, все соберутся в школе работать...»

Ученики издавали собственный журнал, печатали на гектографе газету, материалы для которой получали от «собственных корреспондентов» из русских гимназий. Все бывшие ученики с теплотой вспоминали годы, проведенные в школе, не омраченные «казенщиной».

Максим, по отзывам учителей, был трудным ребенком. Хорошее общее развитие и природные способности сочетались с большой впечатлительностью, нервностью, рассеянностью. Невероятная застенчивость порой сменялась безудержной шаловливостью. В детстве Максим часто болел, пропускал уроки, что также вредило занятиям. «Живость» мешала ему сосредоточиться на занятиях, то, что было ему интересно, – он схватывал на лету, и хотя занимался вполне удовлетворительно, не стремился стать первым учеником. Возможно, права была Екатерина Павловна насчет занятий в обычной парижской школе, где и дисциплина, и требования к ученикам были строже.

У Максима с детства обнаружили хорошие способности к рисованию, и он с увлечением делал зарисовки для школьной газеты. Интересовался историей, а изучение географии России и других стран пробудило в нем интерес к коллекционированию марок. А.М. поощрял это увлечение и посылал ему интересные экземпляры. Горькому приходило много писем от детей из России с просьбой прислать им марки, и он просит сына составить из лишних экземпляров, которых к тому времени скопилось довольно много, несколько маленьких коллекций и отправить их российским ребятишкам. Он пишет: «Пусть лучше этим невинным делом, чем играть в “экспроприаторов”, “военный суд” и убивать друг друга да и вешать, как они это делают». Так он ненавязчиво учил сына умению делиться и помогать другим. Увлечение коллекционированием у Максима продолжалось долгие годы, и уже в зрелом возрасте он составил очень интересную коллекцию, включавшую в себя и редчайшие экземпляры.

Еще одно увлечение, уже из области спорта, – велосипед. Как и все мальчишки, Максим живо интересовался французской борьбой, боксом, футболом, научился очень хорошо играть в теннис, но велосипед – его новая страсть! Поначалу родители отнеслись к этому увлечению с большим беспокойством. А.М. писал Екатерине Павловне: «Уговори сына, чтобы он бросил мечту о велосипеде, это для него безусловно вредно с его слабым сердцем и порывистым характером. Ведь, уж если он поедет, то – конечно – стрелой! А это приведет его к пороку сердца». Пришлось Максиму на время отложить мечту о велосипеде. Отец писал ему: «Ты страшно обрадовал меня тем, что отказался ездить на велосипеде – поверь мне, это для тебя было бы вредно, и я очень боялся бы за твое здоровье». Только года через два родители сдались и при-

обрели Максиму велосипед. Теперь почти каждое воскресенье он со школьными товарищами устраивал велопробеги по окрестностям Парижа.

В школе у Максима была масса приятелей, но, пожалуй, только один настоящий «закадычный» друг – Костя Блеклов. Максим был довольно замкнутым мальчиком и говорить обо всем мог только с отцом. Но фантазия и энергия у него были поистине неистощимы, и все ребята боготворили его. Он постоянно выдумывал то одни, то другие игры: сражение вражеских армий, игры в «диких» с лазаньем по деревьям в парке, но никогда мальчишеские шалости не перерастали в хулиганство. Все учителя отмечали его искренность и простоту. Не выучив урока, никогда не «вилял», а, глядя в глаза учителя, честно признавался: «Я сегодня урока не приготовил». Максим никогда не позволял себе выдать товарища по своим шалостям, предпочитая взять всю вину на себя.

Годы учения в Новой русской школе совпали с зарождением авиации во Франции, и Максим «заболел» небом. Все свободное время он с друзьями проводил на аэродромах Парижа, видел первые полеты Уилбера Райта в Жювизи, наблюдал, как строятся новые аэродромы, как один за другим устанавливаются новые рекорды высоты и скорости полетов крылатых машин, как появляются новые национальные герои – летчики.

Макс мечтал стать авиатором, в письмах отцу с восторгом делился впечатлением от полетов «Блерио», «Стрекоз», «Антуанет», с увлечением описывал их технические характеристики. Он строил модели планеров с двигателем-резинкой: резина туго закручивается, ее отпускают, и «она крутит винт с такой быстротой, что аэроплан летит». Его интересовало все: конструкция планеров, моторов, их мощность и т. д. Он собирал фотографии, вырезки из газет и специальных журналов, тщательно следил за литературой. Максим подписался на журнал «Ла Ви эн гранд эр» («Жизнь на открытом воздухе») и другие, даже специально стал изучать английский, чтобы читать техническую литературу в подлиннике. Он внимательно следил за всеми авиационными новостями, посещал выставки авиатехники в Париже. На рисунке Максима 1911 года – самолет с двумя фюзеляжами, очень похож на «Ньюпор», модель, появившуюся только в 1913 году. В дневнике он записывает: «Читал в старом журнале “La Vie en grandair”, какое сопротивление оказывают тяжи и шасси. Вот если бы сделать его выдвижным. Недурная идея. Посоветуюсь с К[остей Блекловым], но раньше сам попробую». Почти в каждом письме своему другу он писал об авиации, посылал рисунки с подробными описаниями различных конструкций самолетов.

А.М. поддерживал интерес сына к авиации, но в письмах аккуратно и с юмором советовал не забывать и о других увлечениях: «Дорогой мой, это хорошо, что тебя интересует воздухоплавание, а не воздушных замков построение, но я тебе скажу: воздушные замки тоже хорошая штука, когда их строишь. Живи мальчуган, интересуясь всем, все и будет интересно. Жизнь пойдет стремглав, и не увидишь, как станешь сед, хром на обе ноги, плешив и т. д. Читай побольше, музыке учись...»

Из другого письма:

Дорогой мой дирижабельщик и планерщик!

Прочитал я твое воздухоплавательное письмо и подумал: приеду я в Париж, выйдет на встречу мне сын мой, одна нога у него деревянная, рука на перевязи, нос – вывихнут, ухо отсечено пропеллером, вместо ребер – вставлены косточки от мамина корсета – вообще весь человек растерялся в воздухе, а на земле совсем немножко осталось.

Смешно, но – не утешительно, ибо цельный человек всегда лучше изломанного, право же!

Вообще говоря – воздухоплавание – чудесная вещь, однако, когда собственноручный сын воздухоплавать собирается – жутко.

Дружище мой – если тебя дело это увлекает, если ты хочешь заняться им серьезно – прежде всего учись! Надо знать физику, механику, математику, познакомиться с премудростями этими, выстрой аппарат своей системы и – летим в Японию...

А пока – будь осторожен и не прыгай с крыш, хотя бы и в сопровождении планера. Береги нос, эту выдающуюся черту лица.

Любовь к авиации Максим сохранил на всю жизнь. Кто знает, если бы обстоятельства сложились иначе, он мог бы стать авиационным конструктором...

Каждый год на летние каникулы Максим с матерью отправлялся в Алассио – небольшой итальянский курортный городок, посередине между Ниццей и Генуей. Место для летнего отдыха чудесное: прекрасные чистые песчаные пляжи, стоянки парусных лодок, площадки для игры в теннис. Здесь Макс научился плавать, управлять небольшой лодкой (сандолино), много и хорошо играл в теннис. В компании с детьми рыбаков учился ловить рыбу, подружился и со взрослыми рыбаками, и те, видя неподдельный интерес мальчика к их ремеслу, раскрывали свои секреты мастерства. В письмах отцу он рассказывает о своих успехах: «В теннис я побил француженку 6–0, сражались мы около 2 1/2 часов. Я каждый день от 7 до 10 1/2 в море, ловлю рыбу. Вчера поймал 9, сегодня 2. [...] Каждый день еду с моими знакомыми на парусной лодке».

Каждое лето Максим с нетерпением ожидал приезда отца – столько вопросов накопилось, столько нужно рассказать, ведь невозможно обсудить всё в письмах. Он писал:

Дорогой мой, любимый.

Я еще теперь не могу опомниться от твоего письма, а о том, как я обрадовался, когда узнал, что ты скоро приедешь, – и говорить нечего. Я рассудил, что письмо твое ты послал на той неделе, и поэтому можешь приехать на этой.

Я уже чувствую, что ты приближаешься к нам, и скоро мы встретимся. Тогда нам обоим будет хорошо и весело... У нас ты отдохнешь и поправишься. Я теперь буду ждать от тебя письма или телеграммы. Ты напиши, когда решишь, в какой день выедешь. Ладно?..

Ну, пока до свидания, дорогой мой, целую, обнимаю, жду. Написал так мало и не связно, потому что ты у меня в голове и все другое вытеснил. Думаю, что это последнее письмо, потому, что ты скоро ведь выедешь, а тогда, когда мы будем вместе, будем разговаривать не через письмо, что не удобно, да и не всегда выскажешь письмом то, что хочешь сказать словами. Правда?

Ну, значит, целую, хороший мой, до скорого.

Жду письма, в котором напиши, когда приедешь.

Пока обнимаю, дорогой.

Ждущий сын

Максим.

А.М., если позволяли дела и здоровье, начиная с 1907 года приезжал и в Алассио, и в Париж, а Максим навещал отца на Капри. Юридически не оформив развод, А.М. сохранил с Екатериной Павловной самые теплые дружеские отношения. Он писал: «Мне нестерпимо знать, что я причиняю боль человеку, который ничего худого мне не сделал, которого я внутренне уважаю...»

Горький старался, чтобы сын ни в коем случае не чувствовал себя обделенным отцовской любовью, чтобы Максим постоянно ощущал его заботу и внимание. Он подбирал и присылал сыну книги, а при встречах и в письмах обсуждал с ним прочитанное, старался привить интерес к хорошей, полезной книге. Развивая интерес сына к окружающему миру, посылает «Среди

цветов» Сергея Порецкого, «Жизнь моря» Конрада Келлера, «Царство растений и Царство минералов» Петра Шмидта. Подбирает интересную историческую библиотеку, романы Алексея Толстого, книги Пантелеймона Кулиша, Евгения Гребёнки, но советует прочесть их после ознакомления с начальным курсом русской истории.

Понимая, что сын, как и все мальчишки его возраста, неизбежно увлечется приключенческими авантюрными романами, А.М. выписывает 18-томное собрание сочинений Жюль Верна, сочинения Томаса Майн Рида, Луи Буссенара, Герберта Уэллса. Сообразно возрасту он рекомендует прочесть некоторые книги Владимира Короленко, Сергея Аксакова, Льва Толстого, Ивана Тургенева и Николая Гоголя.

Поскольку Максим живо интересовался географией и историей разных стран, отец послал ему книги Эрнста фон Гессе-Вартеге о Китае и Японии, «Кавказские легенды» Веры Желяховской, «Сказание о Древней Японии» Сандзанами Судзина, «Сердце Азии» Свена Гедина, книги с народными сказаниями, очерки истории Древней Греции. А.М. шлет даже такую сложную книгу, как «Первобытная культура» Эдуарда Тайлора, но при этом просит Екатерину Павловну отчеркнуть по собственному усмотрению некоторые места и дать их почитать Максиму, так как вся книга может показаться ему скучной.

А.М. учил сына не только наслаждаться красотой природы, но беречь и защищать ее, любить все живое, благоустраивать и украшать землю: «Ты уехал, а цветы, посаженные тобою, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сынишка оставил после себя на Капри нечто хорошее – цветы. Вот если бы ты всегда и везде, всю твою жизнь оставлял для людей только хорошее – цветы, мысли, славные воспоминания о тебе, – легка и приятна была бы твоя жизнь. Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным и это чувство сделало бы тебя богатым душой. Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять».

На Капри у А.М. долгое время жил попугай Пепитка – его купили вместе со связкой бананов. Видя увлечение сына живой природой, А.М. купил еще одного попугая и подарил его Максиму, дав совет, как правильно с ним обращаться: «Будь ласков с твоей птицей, не давай ее мучить и раздражать товарищам твоим, и она привыкнет к тебе, полюбит тебя. Помни, что все и всякие животные имеют и ум, и то, что мы называем душой, и что все они превосходно понимают, как к ним относятся». Постепенно на Капри образовался целый зоопарк, и в 1913 году Максим писал своему другу Косте Блеклову: «У нас дома целый зверинец: 3 собаки, одна фокстерьер “Топка”, дочь ее неизвестной породы (больше матери величиной) “Рыжка” и похожая на медведя “Надька”. Потом два попугая, которые весь день ругаются и поют. Есть еще много голубей и певчих птиц».

А.М. беспокоился, чтобы сын за годы жизни за границей не забывал родной язык, старался привить ему любовь к Родине, чувство патриотизма. А.М. присылал Максиму хрестоматию «Живое слово» – лучшее на то время пособие по художественной литературе для детей. Он писал: «Маленький ты еще у меня и, живя за границей можешь разучиться говорить по-русски, а это было бы худо. Родной язык надо любить, как мать, как музыку, и надо уметь хорошо говорить, чтобы при случае передать свою мысль другому человеку ясно и просто. [...] Мы с тобой люди хорошей страны и надо ее горячо любить, хорошо знать».

А.М. хорошо понимал, как необходимо быстро растущему сыну общение с отцом, но загруженность работой не позволяла им видеться часто.

Из писем А.М. сыну:

Я все думаю, как бы попасть к вам, да вот – не выходит у меня: праздники неотрывно просидел за столом, оканчивая «Кожемякина», теперь работаю над статьей о писателях из народа, что возьмет недели три, месяц.

Милый мой мальчик – в Париж я не поеду, против этого и здоровье мое и то, что я не мог бы работать там так успешно, как работаю здесь. Мне

очень грустно сказать это, но – видишь ли что: жизнь человека только тогда имеет смысл и оправдание, когда после нее что-нибудь остается. Мне же есть, что оставить после себя, я много взял от жизни и много должен отдать ей. Я – сильно старею, надо торопиться, надо дорожить временем, его – немного осталось. И тратить дни на переезды с места на место, да на разные пустяки – нельзя мне.

Мы будем видеть друг друга изредка, как было до сей поры. Больше же я не буду говорить об этом. Не говори и ты, прошу.

До свидания, дорогой мой мальчик, любимый мой, хороший!

Горький на Капри

Остров Капри, «Жемчужина Средиземного моря», как назвал его Горький, – небольшой островок, расположенный всего в 18 морских милях от Неаполя. Древнее название Капреа (Capea), превратившееся в Капри, возможно, произошло от слова *capra* – коза, как дань далекому прошлому, когда основным занятием обитателей острова было разведение коз.

На острове расположены два городка, возникшие еще при древних греках: на горе высоко над морем скорее большое село – Анакапри, ниже и восточнее – столица острова с тем же названием – Капри. Крутые улочки спускаются к небольшой естественной бухте Марина-Гранде, к порту и небольшой красочной набережной. С противоположной южной стороны острова находится еще одна маленькая гавань – Марина-Пиккола. Остальные скальные берега практически неприступны.

С Капри связаны многочисленные легенды и мифы: здесь Одиссей ослепил циклопа Полифема, здесь же, если верить Гомеру, проживали коварные сирены, завораживающие своим пением моряков, заставляя поворачивать корабли на смертельно опасные рифы. Недалеко мифические чудовища Сцилла и Харибда стерегли пролив между Калабрией и Сицилией, а к северу на небольшом одиноком острове обитала еще одна малоприятная персона – Медуза Горгона.

Да и подлинная, а не мифическая история острова поражает: на таком небольшом известняковом клочке суши археологи обнаружили остатки поселений людей, датируемые X веком до н. э. В культурном слое Грота Папоротника обнаружили артефакты и Римского периода, и Бронзового века, и палеолита, что свидетельствует о непрерывности существования поселений начиная с каменного века.

С точностью установлено начало Римского периода Капри – 29 год до н. э., когда первый римский император Октавиан Август останавливался здесь по пути из Греции. Очарованный красотой острова в 31 году до н. э., он выменял его у Неаполя на остров Искья, знаменитый своими лечебными теплыми источниками. Император повелел построить большую виллу к западу от Марина-Гранде – Морской дворец (Palazzo a Mare) и превратил остров в свою летнюю резиденцию.

За свою долгую историю остров многократно подвергался набегам завоевателей. Крепостносцы, солдаты Наполеона, пираты, англичане и испанцы сменяли друг друга, превращая в руины античные постройки, и только необыкновенная, чарующая красота природы Капри оставалась неизменной.

Буквально на следующий день после прибытия А.М. отправился на прогулку. Вскоре он исходил все тропки и заглянул во все уголки сказочно красивого острова. Один из любимых маршрутов вел на вершину Солнечной горы (*Monte Solaro*). Дорога из нижнего городка серпантинном поднималась до Анакапри. Можно было подняться и по 800 каменным ступеням знаменитой Финикийской лестницы, и некоторые каприйцы пользовались этим более коротким маршрутом. От Анакапри горной тропой А.М. поднимался до самой вершины – небольшого каменистого плато. Отсюда разворачивалась панорама удивительной красоты. На Монте-Соларо А.М. любил встречать восход солнца, сюда же приводил гостивших на Капри своих друзей любоваться закатом.

С плато по тропинке А.М. часто спускался к крошечному средневековому монастырю Санта-Мария-ди-Четрелла, по преданию, построенному на месте древнеримского храма. Свое название монастырь получил от прозвища богини Венеры – *Citrea*, здесь возле каприйских скал она любила ловить рыбу. Заброшенная, полуразрушенная обитель, старинное кладбище монахов-картезианцев, заросшее кипарисами, – А.М. любил бывать здесь один, подолгу отдыхая в тишине. Он не любил суету Каприйской набережной и центра Капри с главной пло-

щадью – Пьяца Умберто I, которую все называли просто Пьяцетта. Он уходил по виа Тиберио и дальше, все выше до самой восточной оконечности острова к руинам дворца императора Тиберия – виллы Тиберия – самого роскошного из двенадцати построенных преемником Октавиана Августа. Отсюда император с 27 по 37 год н. э. правил Римской империей. Сохранился уступ скалы, откуда, по преданию, сбрасывали в море приговоренных к смерти по приказу жестокого властителя.

Остатки древнейших памятников истории и культуры, средневековых замков, монастырей и старинных вилл, каменные стены домов, увитые цветущей бугенвиллеей, верхняя часть острова, покрытая лимонными и апельсиновыми рощами, виноградниками и оливами, причудливые утесы Фаральони, поднимавшиеся из лазурного моря...

А.М. был поражен красотой острова и восторженно отзывался о своем новом месте жительства. Своему другу писателю Леониду Андрееву в первые же дни пребывания на острове он писал: «Капри – кусок крошечный, но вкусный... Здесь пьянеешь, балдеешь и ничего не можешь делать. Все смотришь и улыбаешься». Сыну Максиму:

Я живу теперь на острове Капри в Средиземном море. Здесь очень красиво, похоже на Крым, но несравнимо лучше. Погода такая, что сейчас в ноябре, когда у вас снег, здесь летают бабочки и ящерицы греются на солнце. Мне это очень полезно – я немного нездоров и, должно быть проживу здесь всю зиму.

Очень разнообразны и красивы здесь рыбы – между прочим, рыбаки ловят спрутов – ты знаешь, что это такое? Пришлю тебе морскую звезду и раковин.

Из окна дома, где я живу, видно Везувий, но он теперь не дышит, как раньше, хотя дня три тому назад вдруг выкинул немного лавы и камней.

Восхищенный каприйскими видами, Горький писал Зиновию Пешкову: «Здесь удивительно красиво, какая-то сказка бесконечно разнообразная развертывается перед тобой. Красиво море, остров, его скалы, и люди не портят этого впечатления беспечной, веселой, пестрой красоты. Какие это музыканты, если б ты слышал!.. В них очень много природной веселости, наивной жажды красивого...»

Здесь, наверное, уместно сделать небольшое отступление и объяснить, кто такой Зиновий Алексеевич Пешков и какое отношение он имел к Горькому.

Зиновий – старший сын нижегородского владельца граверной мастерской Михаила Израилевича Свердлова. Младший сын Яков рано ушел из семьи, вступил в партию социал-демократов, участвовал в революционных событиях 1905 года, неоднократно отбывал ссылку, одно время вместе с И.В. Сталиным. В Петрограде участвовал в Октябрьском перевороте и с ноября 1917 года до своей смерти (от тяжелой формы гриппа, «испанки») занимал пост председателя Всесоюзного Центрального избирательного комитета – высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа государственной власти.

Горький познакомился с семьей Свердловых на ежегодной Всероссийской ярмарке в Нижнем Новгороде. Михаил Израилевич открыл на выставке свой киоск, где А.М. заказал себе визитные карточки. Хозяин чем-то ему понравился, и Горький стал часто бывать в его мастерской, иногда приводил к нему заказчиков. Там он познакомился с Зиновием, с которым у него вскоре сложились доверительные отношения. Горький, считая Зиновия юношей способным, следил за его развитием, направлял его, а обнаружив в нем склонность к драматическому искусству, решил помочь ему устроиться на драматические курсы в Москве. Однако иудеям, по существующим тогда правилам, проживать в Москве не разрешалось, тогда и решили Зиновия крестить. В Арзамасском загсе в метрической книге Троицкой церкви есть запись от 30 сентября 1902 года: «... Через таинство крещения и миропомазания присоединен к правосла-

вию полоцкий мещанин Ешуа Золомон Мовшев Свердлов, 19 лет от рождения, с присвоением согласно его желанию отчества и фамилии восприемника Алексея Пешкова».

Горький должен был уехать и попросил заменить его в роли крестного отца инспектора народных училищ города Арзамаса Александра Михайловича Храброва. Крестной матерью Зиновия – рассказывала И.К. Гогуа – стала В.Н. Кольберг, близкий друг семьи Горького, принимавшая активное участие в революционной работе вместе с А.М. и Екатериной Павловной. Ирина Калистратовна была дочерью младшей сестры Веры Николаевны – Юлии.

По неподтвержденным данным, отец проклял Зиновия. Разругавшись с отцом, он еще больше сблизился с А.М., и до самой смерти писателя они относились друг к другу как близкие родственники. «Какой-то кусок моего сердца крепко сросся с тобою», – писал Горький своему крестнику. Екатерине Павловне он также сообщал: «Скоро вот стукнет мне сорок лет, людей за это время видел я – несть числа, а ныне чувствую, что всего ближе мне – Зиновий, сей маленький и сурово правдивый человек...»

Жизнь Зиновия детально описана в книге Михаила Пархомовского «Сын России, генерал Франции». Я же позволю себе только вкратце обозначить основные вехи его непростой судьбы.

В 1904 году Зиновий эмигрировал, работал в Канаде и США. Часто и подолгу бывал у Горького на Капри. С началом Первой мировой войны вступил в ряды французской армии, был зачислен в Иностраннный легион, в сражении под Верденом тяжело ранен, потерял руку, но с военной службы не ушел. Во время революционных событий и Гражданской войны в России – член военной и дипломатической французских миссий, во время Второй мировой – участник движения «Свободная Франция». В 1944 году он получил звание бригадного генерала. После войны Зиновий Пешков – на дипломатической службе, корпусной генерал, кавалер более пятидесяти государственных наград...

Мягкий климат острова, отсутствие зимы, как нельзя более подходил для больных легких писателя, но главное – чарующая красота окружающей природы вызывала состояние душевного подъема, и А.М. чувствовал необыкновенный прилив творческих сил и потребность писать.

Первое время Горький на Капри жил на вилле «Сеттани». Но небольшой белый домик, расположенный на склоне горы, оказался слишком тесен, и в начале 1909 года А.М. и Мария Андреева переселились на виллу «Спинола», известную также как вилла «Беринг» – по фамилии владельца, изобретателя противодифтерийной сыворотки. И, наконец, с 1911-го по конец декабря 1913 года А.М. жил на вилле «Серафина». Конечно, появились слухи о том, что писатель одну за другой приобретает шикарные виллы. Об этом Андреева упоминает в письме Михаилу Коцюбинскому: «По “загранице”, конечно, опять сплетня поплыла: Горький купил себе новую виллу за 50 тысяч. По секрету – мы платим 1200 франков в год. Только Вы никому не говорите – пусть себе думают, что мы паны».

Многочисленные посетители Горького вместо роскоши, якобы окружавшей писателя, видели простоту и скромность жилища настоящего труженика. Его рабочий день мало изменился: вставал рано, писал до часу-двух. В жаркое время дня по местному обычаю соблюдал сиесту, а вечером, когда становилось прохладнее, снова писал и так иногда по 14 часов в сутки. Из письма сыну: «И я здоров, а как живу – не знаю: дни моей жизни прыгают мимо меня как блохи, не успеешь заметить – день исчез! А работы у меня на сто лет, не меньше». «Я живу как всегда, работаю точно вол», – писал А.М. художнику Вадиму Фалилееву. А вот Екатерине Павловне: «Я еще никогда не писал так охотно и легко и в этом – вся моя жизнь». Жена Ивана Бунина – Вера Николаевна, вспоминая дни, проведенные в гостях у Горького, писала, что А.М. любит литературу больше, чем себя, – он работает даже за едой.

Здесь, на острове, писатель закончил роман «Мать» – по определению первого советского наркома просвещения Анатолия Луначарского – настольную книгу пролетариата. Многие считали, что роман получился поверхностным и схематичным, однако только в Германии книга

вышла тиражом более миллиона экземпляров, став одной из самых популярных в прошлом столетии.

Годы, проведенные на Капри, – одни из самых плодотворных в творческой жизни писателя. Повести «Шпион», «Исповедь», «Лето», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», замечательная книга «Детство», циклы «По Руси», «Русские сказки», «Сказки об Италии», много автобиографических рассказов, очерки «9 января», «Дело Николая Шмита», «О цинизме», «Разрушение личности» и многие другие – все это написано здесь, на острове. А еще работа над пьесами: «Фальшивая монета», «Последние», «Чудаки», «Васса Железнова», «Зыковы».

Очень много времени и сил уходило на работу с рукописями, которые ему присылали. А.М. считал своим неременным долгом помогать начинающим писателям, да и поправлять строгим, но дружеским советом состоявшихся авторов. К примеру, за 1908 год он прочитал 153 рукописи. Но что значит прочитал? Отредактировал, выправил и отправил автору с обстоятельным разбором написанного. В 1912 году – в среднем получал по 40 рукописей в месяц, да еще ежедневно отвечал на 5–7 писем.

Чтобы быть в курсе всех событий, происходящих в России и в мире, А.М. просматривал полтора десятка русских газет, а новости из английских, французских, немецких и итальянских переводила ему Мария Федоровна.

Дом Горького на Капри стал местом паломничества литераторов и художников из России. Приезжали не только люди искусства, среди посетителей были ученые, общественные и революционные деятели, друзья и незнакомые почитатели таланта. Иногда за обедом у А.М. собиралось до тридцати человек, многие оставались жить на продолжительное время. Писателю, жившему на литературные заработки, иногда приходилось занимать деньги, но он всегда был готов делиться с друзьями, с людьми, попавшими в затруднительное положение, и это при том, что крупные суммы он отдавал на поддержку революционного движения в России.

В декабре 1906 года первым из писателей к Горькому приехал Леонид Андреев. Приехал больной, отчаявшийся после смерти жены Александры Михайловны – «Дамы Шуры», как когда-то шутливо называл ее А.М. Он писал, что даже внешне Андреев «казался измятым, раздавленным», много пил, ночами бродил по горным каприйским тропам, рискуя сорваться со скал.

Из воспоминаний Екатерины Павловны:

Вскоре после смерти жены Леонид Николаевич решил уехать на Капри, зная, что там живет Горький. Когда они встретились, он попросил Алексея Максимовича быть крестным отцом несчастного ребенка, на что Алексей Максимович дал письменное согласие.

(Александра Михайловна умерла от послеродовой горячки, разрешившись вторым сыном – Даниилом. Горький не мог присутствовать на крещении в Москве лично, отсюда и его записка в духовную консисторию, переданную в церковь Преображения на Песках в Москве: «11 марта 1907 года: Сим заявляю о желании своем быть крестным отцом сына Леонида Николаевича Андреева – Даниила, Алексей Максимович Пешков».)

Даниил Андреев – автор знаменитого трактата «Роза мира».)

На другой же день я отправилась к Леониду Николаевичу. Он жил в большой мрачной вилле, густо заросшей деревьями, которые подступали к окнам. Жил он с матерью Анастасией Николаевной и маленьким сыном Вадимом.

Леонид Николаевич мне обрадовался, повел в столовую, усадил за стол, на котором стоял горячий самовар, привезенный Анастасией Николаевной из Москвы, налил мне и себе чаю и тут же стал подробно рассказывать

о болезни Александры Михайловны. Говорил, что ее лечили неправильно, обвинял берлинских врачей.

Рассказывал Леонид Николаевич медленно, с остановками, глядя куда-то вдаль, точно оживляя для себя то, о чем рассказывал. Стакан за стаканом пил он очень крепкий чай, потом опять ходил по комнате, порою подходил к буфету, доставал фиаско местного вина, наливал в бокал и залпом выпивал и снова молча ходил по комнате.

Я старалась перевести разговор на другое. Рассказывала о жизни в Москве. Он слушал рассеянно, видимо, думая о другом. В одно из моих посещений, когда мы были одни, Леонид Николаевич сказал:

«Знаете, я очень часто вижу Шуру во сне. Вижу так реально, так ясно, что, когда просыпаюсь, ощущаю ее присутствие, боюсь пошевелиться. Мне кажется, что она только что вышла и вот-вот вернется. Да и вообще я ее часто вижу. Это не бред. Вот и сейчас перед Вашим приходом я видел в окно, как она в чем-то белом медленно прошла между деревьями... точно растаяла...»

Мы долго сидели молча.

Постепенно, трудно приходил Леонид Андреев в себя. Очень помогла ему дружеская поддержка Горького, который подолгу беседовал с ним, старался своим примером пробудить в друге желание работать. Викентий Вересаев вспоминал, что, испробовав всевозможные способы отвлечь Андреева от его мрачных мыслей, как-то «встряхнуть» его, придумали вышучивать его болезненное состояние безысходности, нарочитое нагнетание трагизма. Вот как он передает рассказ А.М. об одном таком случае: «Смотрим в окно, – идет Леонид, угрюмый, мрачный, видно все время с покойниками беседовал... Мы все делаем мрачные рожи. Он входит. Повесим носы, поговариваем о похоронах, о мертвецах, о том, как факельщики шли вокруг гроба Ивана Ивановича... Леонид взглянет: “А я сейчас был на Монте Тиберио, как там великолепно!”»

Прожил Андреев на Капри полгода, постепенно приходя в себя. Принялся за работу, и, по свидетельству А.М., это был один из самых плодотворных периодов его творчества. Но уже в эту пору между писателями возникли непримиримые идейные разногласия. А.М. не переносил «проповеди пассивного отношения к жизни», а в связи с рассказом «Тьма» и «Моими записками» писал другу: «Ты сыграл в анархизм и заставил скотское, темное торжествовать победу над человеческим». Предпринимаемые попытки восстановить былые отношения оказались безрезультатными. Горький, считая Леонида Андреева единственным близким другом среди писателей, в письмах к нему объяснил причины разрыва: «Мир держится деяниями... человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, – кто бы он ни был, – мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик». А.М. считал, что «как художник он [Андреев] велик, велик и великолепен, но как мыслитель – он враг всему живому, здоровому».

С радостью встречался А.М. с художником Ильей Репиным, пианистом Сергеем Рахманиновым, режиссером Константином Станиславским, со своим другом и земляком Федором Шаляпиным.

В 1907 году Федор Иванович приезжал на Капри. Вместе с А.М. они ездили в Аlassiо, где отдыхали Максим с Екатериной Павловной и дети Шаляпина. Весной 1908 года Шаляпин снова приехал: целыми днями наслаждались обществом друг друга, много часов проводили на море, купались, ловили рыбу. Вечерами устраивали концерты: Шаляпин пел, собирая вокруг виллы толпы восторженных слушателей.

Следующая их встреча произошла лишь летом 1911 года – после нашумевшего случая с «коленипоклонением», едва не приведшего к разрыву их дружбы. На премьере оперы «Борис Годунов» в Мариинском театре хористы обратились к императору Николаю II с петицией о

повышении жалованья. Хористы опустили на колени, запели гимн. Шаляпин присоединился к ним. Горький болезненно переживал этот инцидент и писал Екатерине Павловне: «Плохо, брат, мое дело, бьет меня судьба в лицо прямо и – злобно бьет. Выходка дурака Федора просто раздавила меня – так это по-холопски гнусно! Ты только представь себе: гений на коленях перед мерзавцем и убийцей! Третий день получаю из России и разных городов за границы газетные вырезки, подобные прилагаемой. Присылают – безмолвно или со словечками: “Каково?”, “Поздравляем!” и т. д.».

Самому Шаляпину Горький написал: «Если бы ты мог понять, как горько и позорно представить тебя, гения – на коленях перед мерзавцем...» Шаляпин объяснил, что это – недоразумение, он растерялся и не совсем понимал, что случилось. Федор Иванович специально приехал на Капри летом 1911 года, чтобы объясниться с Горьким. А.М. писал Екатерине Павловне: «Приехал третьего дня Федор и – заревел, увидев меня, прослезился – конечно – и я, имея на это причин не меньше, чем он, ведь у меня с души тоже достаточно кожи снято». Шаляпин же вспоминал об этой встрече: «Против своего обыкновения ждать гостей дома или на пристани, Горький на этот раз выехал в лодке к пароходу мне на встречу. Этот чуткий друг понял и почувствовал, какую муку я в то время переживал. Я был так растроган этим благородным его жестом, что от радостного волнения заплакал. Алексей Максимович меня успокоил, лишней раз дав мне понять, что он знает цену мелкой пакости людской...» Мир был восстановлен, и Шаляпин больше двух недель гостил у Горького. Перед отъездом Федор Иванович устроил на прощание грандиозный концерт. Под впечатлением А.М. написал своему давнему знакомому Александру Тихонову, одному из основателей издательства «Всемирная литература»: «Действительно пел Ф. – сверхъестественно, страшно: особенно Шуберта “Двойник” и “Ненастный день” Корсакова. Репертуарище у него расширен очень сильно. Изумительно поет Грига и вообще северных. И – Филиппа II. Да вообще – что же говорить – маг». Целый вечер пел Шаляпин, а когда закончил, окрестности виллы «Серафина» буквально взорвались аплодисментами, криками «VIVA Gorki!», «Viva Scialapin!» – так собравшиеся каприйцы благодарили великого русского певца.

В середине марта 1909 года к Горькому приезжал Иван Бунин с женой, пробыл на острове целый месяц. А.М. называл Бунина «лучшим современным писателем», «лучшим стилем современности». Бунин позже писал А.М.: «Читая Ваше письмо, с великой нежностью и горечью вспомнил Италию – с нежностью потому, что только теперь понял, как она вошла мне в сердце, а с горечью по той простой причине, что – когда-то теперь еще доберешься до Вас, до казы Вашей, до вина Вашего». Через год Бунины снова посетили Капри, пробыли почти месяц, а затем приезжали каждый год и надолго. Здесь Иван Алексеевич написал повесть «Суходол», рассказы, стихи, поэтические очерки. Каприйские годы были годами дружбы двух писателей, и хотя после отъезда А.М. в Россию встречались они редко, но продолжали переписываться вплоть до 1917 года. После эмиграции Бунина связь оборвалась.

На Капри в гостях у Горького побывали не десятки – сотни гостей: и уже известные именитые писатели, и только делающие первые шаги в литературе, художники Илья Репин, Михаил Нестеров, многочисленные группы молодых художников – портретистов, графиков, театральных декораторов, музыканты, певцы, режиссеры...

Михаил Коцюбинский, поселившийся у А.М. в маленьком домике виллы «Серафина», писал: «Новые и новые люди, литераторы меняются как в калейдоскопе». И каждый из них уезжал, «заряженный» энергией Горького и каприйского солнца. И для каждого А.М., по определению религиозного философа Алексея Золотарева, который сам бывал у Горького на Капри, – неутомимый страстный охотник открывать все новых и новых людей, – отдавал все свое свободное время.

Но только в случае приезда самых дорогих гостей писатель кардинально ломал привычный распорядок дня. Затевалась «большая рыбная ловля». С раннего утра всей компанией

отправлялись на лодках к Белому гроту. В огромной пещере грота разводили огонь для будущей ухи и уходили в море на ловлю рыбы.

Михаил Коцюбинский вспоминает о таком дне – 18 июня 1910 года:

В 6 часов утра мы уже были в море, на трех лодках... Вода тихая и такая прозрачная, что на большой глубине уже видишь, как серебряным пятном или серебряным ужом плывет еще живая, но на крючке рыба. Вот вытаскивают вьюна, который длиннее меня, а толщиной в две человеческие ноги. Вьюн вьется, бьется, и его оглушают железным крюком и бросают в лодку. Затем опять идет рыба – черт, вся красная, как коралл, с большими крыльями, как Мефистофель в плаще. Затем опять вьюны, попадаются маленькие и большие акулы. Последних должны убивать в воде, потому что втаскивать их живыми в лодку опасно, могут откусить руку или ногу... Каких только рыб не наловили...

Наконец вытащили такую большую акулу, что даже страшно стало. Это зверь, а не рыба. Едва нас не перевернула, бьет хвостом, раскрывает огромную пасть, с тремя рядами больших зубов, в которой поместилось бы 2 человеческих головы, и светит, и светит зеленым дьявольским глазом, страшным и звериным. Ее нельзя было вытащить, ее обмотали веревками, били железом и привязали к лодке. Говорят в ней пудов 9–10. Вообще поймано много рыбы, одних акул штук 15–20 (их тут едят). Затем мы заплыли в какую-то пещеру, там закусывали, пели песни и купались, кто мог. Потом еще ловили рыбу удочками и возвратились домой только вечером, так что пробыли на море 12 часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.